

Ю.М. Ботяков

СОСЕДСКАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ В АБХАЗИИ. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Одним из наиболее важных условий поддержания процесса консолидации абхазского сельского сообщества был и остается институт соседской взаимопомощи. При этом оказание соседской помощи традиционно реализуется в двух основных сферах: ритуальной и производственной. В первом случае речь идет главным образом о проведении свадеб и обрядов похоронно-поминального цикла. Как известно, их организация требует не только значительных финансовых затрат, но и достаточных физических усилий, груз которых согласно обычаю в полной мере разделяют соседи, без которых подобные масштабные мероприятия просто не осуществимы.

Значимость этого фактора, безусловно, осознавалась членами соседской общины. В случаях игнорирования установленных норм соседской взаимопомощи община в качестве крайней меры могла прибегнуть к бойкоту как наиболее действенному средству влияния на отдельных своих представителей. Иллюстрацией сказанному может служить характерный эпизод из произведения абхазского писателя Анатолия Возбы «Кяхба Хаджарат», в котором на свадьбе одного из жителей села соседи проводят своего рода «итальянскую забастовку», т.е., занимаясь, как и положено при этой форме протеста, имитацией, а не собственно работой, добиваются поставленной цели. «Снимает Хараз свой башлык, кидает его на стол и отходит к воротам. А через мгновение уже на прежнее место возвращается. Колотит себя ладонями по голове и громко вопит: "О бедный Хараз, как случилось так, что ты умер"... Оказывается, этот Хараз не любил помогать соседям... Проучили. Сначала заставили поплакать над собой, как над мертвым, унизиться и лишь потом простили» [Возба 1991: 286].

В современном абхазском обществе соседская взаимопомощь в ритуальной сфере столь же необходима, как и раньше, а участие в ней всех членов сельского сообщества воспринимается как важнейшая обязанность. В настоящее время сложно ответить на

вопрос, насколько реален такой сценарий событий, при котором возможно объявление бойкота при проведении свадеб или даже похорон, так как этот прием, что называется, из разряда крайних мер, к которым на практике стараются все-таки не прибегать. Тем не менее в этой связи представляет интерес следующая информация, полученная нами в одном из селений Бзыбской Абхазии. Наш собеседник сообщил, что несколько лет тому назад представители двух фамилий, проживающих в одном *ахабла* (поселке) селения, поссорились во время праздника. В результате этой ссоры для представителей остальных фамилий, проживающих в этом же поселке, нагрузка по обслуживанию гостей на свадьбах и похоронах значительно возросла.

Мы же на похороны, поминки, на свадьбу ходим, помогаем. Х. свадьбу играют, Y. к ним не ходят, мы обслуживаем... Когда у Y. мероприятие, Х. к ним не ходят, опять мы обслуживаем. Между ними мы страдаем. И туда мы идем, ишачим, и сюда идем, ишачим. Я уже предлагал, между прочим, ребятам... хватит нам ишачить на них, ... давайте мы их примирим. А как? К тем не пойдем, ни на хорошее, ни на плохое, ни к этим. Куда они денутся, если не помирятся? Если человек умер, надо его похоронить, надо могилу копать, надо обслуживать, столы накрывать. А все это кто будет делать? ... Они не имеют права... если у них в доме покойник... А ближайшие соседи к ним не ходят. Ребята, давайте... Некоторые соглашаются, некоторые не соглашаются. По-моему, согласятся [ПМА. 1830: 46-47].

Насколько возможно на практике осуществить этот замысел, сказать сложно, для нас здесь важнее отметить, что соседская взаимопомощь в обрядовой сфере продолжает сохранять свои устойчивые формы и главное продолжает оставаться социальным институтом.

Что касается оказания взаимопомощи в хозяйственной сфере, то здесь в качестве точки отсчета обратимся к характеристике такого института, как *кераз*, описание которого, в частности, приводит видный абхазский этнограф Шалва Инал-Ипа. В состав кераз входило мужское трудоспособное население поселка (*ацута* или *ахабла*). Организация функционировала в наиболее ответствен-

ные периоды сельскохозяйственных работ, а его члены были связаны между собой жесткой дисциплиной: до окончания всех работ никто не мог самовольно выйти из кераза. Наиболее трудоемкой работой в условиях Абхазии была прополка кукурузы, и керазники чаще всего занимались именно этим. Работы завершались после обработки всех участков, «причем в первую очередь приходили на помощь к тому из товарищей по труду, чей посев больше нуждался в обработке. <...> Ввиду малых размеров крестьянских посевов, почти никогда не превышавших одного гектара, <...> керазники за несколько часов дружной работы заканчивали обработку участка в одном месте и переходили в другое. <...> В конце работы хозяин устраивал угощение. <...> Если при переходе из одного хозяйства в другое керазникам попадался заброшенный участок каких-либо сирот, вдов, вообще нуждавшегося в помощи человека, пусть даже и не входившего в состав кераза, то они по своей инициативе заходили к нему по пути и быстро заканчивали непосильную для него работу» [Инал Ипа 1960: 155].

О степени сплоченности, солидарности членов кераза можно судить уже по тому, что в определенные моменты это неформальное объединение выполняло чисто военные функции, собственно являясь уже сельской дружиной.

Считается, что кераз просуществовал у абхазов до первой четверти XX в. Несмотря на то что, по мнению Инал-Ипа, в дальнейшем мы имеем дело с пережитками кераза, годы советской власти могут рассматриваться как время, когда институт соседской взаимопомощи обрел свое второе дыхание. Во всяком случае, те условия жизни, в которых жили абхазы, способствовали сохранению соседской взаимопомощи как социального института. В частности, во время коллективизации тридцатых годов в качестве приема пропаганды колхоза использовалось его сходство по способам организации, целям и функциям с формой кераза. Каждый ахабла структурно вошел в колхоз в качестве производственной бригады и таким образом стал единым производственным организмом. Но главное, что стимулировало сохранение соседской взаимопомощи, это плановое хозяйство, когда каждая абхазская семья должна была ежегодно сдавать государству определенное количество

продукции, например, кукурузы — 500 кг. При этом план распределялся посемейно, без учета количества членов семьи.

Без помощи соседей редкая семья могла справиться с подобным планом. Вот как описывает оказание соседской помощи наш информатор из селения Калдахвара.

А я помню, мой отец в те времена, когда мы кукурузу сдавали, вынужден был засеять много. План по сдаче кукурузы, мяса, а чтоб мясо сдать, [скот] кормить надо чалом [для чего дополнительно засеивалась кукуруза]. И отец не успевал, мы же маленькие были. Отец один, такую территорию [не мог обработать]... И тогда соседи без клича сами приходили: три, четыре, пять. Мужики уже взрослые. Мой отец постарше их был. Соседи приходили сами по себе. Семья такая [большая] с кукурузой уже проскакивает... Дела свои бросали и помогли два-три дня. И отец тоже ходил... И еще, если человек немножко филонил, засеять засеял, но обрабатывать... [не спешил] надеялся на помощь. Также смотрели, в каком состоянии. Если такой, к нему сами не ходили, если сам попросит. А если старается, но не получается, не успевает по каким-то обстоятельствам, без него приходили, помогли, я это помню [ПМА. 1959: 71].

Соседская помощь, таким образом, была адресной. Речь, правда, не идет о радикальных мерах, когда общество полностью отказывало в содействии, однако взаимоотношения между жителями поселка регламентировались устойчивыми негласными правилами: к социальному аутсайдеру приходили на помощь лишь после того, как он сам обращался с просьбой. Подтверждением сказанному может служить история об одном из жителей селения Члоу, относящаяся ко второй половине сороковых годов прошлого века.

После войны время было тяжелое. Ему дали задание тысячу метров возделывать табака. Он был один, он отказался. Ему пришлось уйти в лес. Если бы он начал возделывать табак, то ему бы помогли братья, соседи, но он заартачился и ушел в лес [ПМА. 1774: 31].

По словам информанта, этот человек обладал тяжелым, неуступчивым характером. Видимо это был тот самый случай, когда

соседи ждали, что человек покажет серьезность своих намерений по обработке участка или же обратится за помощью.

В современных условиях на фоне отсутствия устойчивого рынка сбыта и эффективных форм кооперации значительная, если не подавляющая часть крестьянских хозяйств Абхазии вынуждена производить тот ассортимент продуктов и в том объеме, который необходим лишь для собственного потребления. Для удовлетворения же потребностей средней абхазской сельской семьи, испытывающей в настоящее время демографические проблемы, не требуется возделывать значительные площади земли, а, следовательно, и привлекать для ее обработки рабочую силу со стороны.

В этой связи можно также отметить, что в традиционной абхазской культуре не было принято засеивать участок в расчете на создание значительного запаса зерновых. Считалось, что урожая должно хватить лишь на потребности семьи до следующего урожая, что в свою очередь дополнительно ограничивало площадь обрабатываемой земли.

Сами справляются. Сейчас времена другие пошли. Сейчас таких больших участков не засеивают. В основном сейчас так делают: то, что он может успеть [обработать] то, что ему нужно. У нас, у абхазов, как? Так, чтобы на год хватило. На два-три года не запасают. Испокон веков так было. Отец тоже говорил: мы делали столько, сколько могли за год употребить. Излишки мы никогда не делали. Сейчас то же самое, так же делают. Много не засеивают. Тем более сейчас нет плана на сдачу кукурузы (сметется). Сейчас я не помню, чтобы кто-нибудь просил [о помощи] или ходили [помогать]. И техника помогает сейчас [ПМА. 1959: 72].

В заключение отметим, что мы далеки от той мысли, что традиции соседской взаимопомощи исчезают из жизни современного абхазского села. При необходимости крестьянин может обратиться к соседям, например получить совет по обрезке такой относительно новой для абхазов культуры, как киви, ему безоговорочно одолжат волов для вспашки поля (что еще частично практикуется в западной Абхазии), соседи помогут при окучивании кукурузы и т.д. По-прежнему принято помогать одиноким женщинам — ис-

править изгородь, вспахать и обработать участок, провести прополку и т.д. Однако при этом оказание соседями всевозможных посильных услуг в сфере производства перестало носить регулярный и обязательный характер, что дает основание говорить об утрачивании на современном этапе «хозяйственного направления» как важнейшей составляющей института соседской взаимопомощи.

У нас сегодня идет натурализация сельской жизни. Каждый выживает, как может. Это в советское время был колхоз, и все работали в одном месте, они были связаны. Сегодня каждый разбежался по своим <...> [раньше] помогали друг другу, сегодня это происходит очень редко, <...> люди помогают друг другу по каким-то другим понятиям, а не по сельскохозяйственным... по духовной близости, по родству душ, по родственным отношениям. Ко мне могут прийти и помогут люди с других деревень — они мои родственники, но не сосед, который живет через дом... Я не могу сказать, что соседи не помогают, но это не как правило [ПМА. 1895: 72–73].

Источники и библиография

Возба А. Хаджарат Кяхба. М., 1991.

Инал-Ипа Ш. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960.

ПМА. Архив МАЭ РАН. Ф. К.1, оп. 2, № 1774.

ПМА. Архив МАЭ РАН. Ф. К.1, оп. 2, № 1830.

ПМА. Архив МАЭ РАН. Ф. К.1, оп. 2, № 1895.

ПМА. Архив МАЭ РАН. Ф. К.1, оп. 2, № 1959.

Ю.М. Ботяков

ПУСТЫНЯ КАРА-КУМ: СОЗДАНИЕ ОБРАЗА

Формирование образа страны или региона может происходить при непосредственном контакте человека с объектом или же быть внушено ему при чтении текстов, рассматривании изображений, прослушивании рассказов, музыки и т.д. [Исаченко 2001: 24]. В нашем случае речь пойдет об одном из этих достаточно